

## Новые уроки рецепции философского наследия М.М. Бахтина (Обзор XVII Международной Бахтинской конференции)

Международные Бахтинские конференции проводятся регулярно с начала 1980-х гг. на базе ведущих университетских центров Бразилии, Великобритании, Германии, Израиля, Италии, Канады, Китая, Мексики, Польши, Финляндии, Швеции, Югославии (Сербии). В 2021 г. организаторами стали Центр М.М. Бахтина МГУ им. Н.П. Огарёва и Бахтинский центр Шеффилдского университета (Великобритания). В России конференция проводилась только второй раз, поэтому страна, с которой связан весь жизненный путь Бахтина, обыкновенно была представлена значительно меньшим числом исследователей, чем Великобритания, Италия, США, Бразилия, Китай. В этот раз ситуация была обратная. В конференции в Саранске приняли участие около 150 гуманитариев из двадцати двух стран, от России были заявлены 69 докладчиков из исследовательских центров Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Рязани, Самары, Саранска, Тюмени, Ярославля. В силу пандемии конференция проходила большей частью онлайн, что ограничило возможности общения, но позволило привлечь максимальное количество участников без ущерба для качества докладов и дискуссий.

Было проведено пять пленарных заседаний (заслушано 18 докладов) и четырнадцать заседаний в рамках секционных панелей «Биография М.М. Бахтина в социокультурном контексте», «Идеи М.М. Бахтина и проблемы педагогики и психологии», «М.М. Бахтин как филолог», «М.М. Бахтин в мировой философии», «Жизнь идей М.М. Бахтина в современном мире» (более 100 докладов). Кроме того, прошло четыре заседания онлайн-симпозиума «Бахтинские идеи диалогизма в практике учителя». Данный обзор, не претендуя на полноту рассмотрения материалов конференции, акцентирует внимание на их философском содержании и значении.

Круг тем, затронутых в докладах и дискуссиях, был ожидаемо широк, что обусловлено происходящим в последние годы переосмыслением идей Бахтина, их источников, масштаба, актуального потенциала развития и применения. Выражается такое переосмысление, при сохранении интереса к литературоведческим, филологическим, лингвистическим аспектам наследия Бахтина, во все большем внимании к философскому горизонту его идей, открывающему как их исходное единство, так и возможности междисциплинарной интеграции.

Динамика и современное состояние отмеченного переосмысления были развернуто представлены в открывшем конференцию выступлении *В.Л. Махлина* (Москва). Согласно докладчику, в Невельско-Витебский период (1919–1923) жизни и творчества Бахтин начал осуществление уникальной научной-философской программы (идеи, как ее называл сам Бахтин), не имевшей аналогов ни в нашей стране, ни за рубежом. Ключевым для Бахтина является понятие «творящего (поступающего) сознания», «участного мышления». Оно имеет «хоровую», или «внутренне социальную», природу опоры на «другость» в «со-бытии» (объективную, но не объектную «социальную атмосферу») и проявляется в поступках, вменяемых действиях. Не только творчество, сам факт включенности человека в бытие – для того, чтобы что-то вообще могло состояться, – делает всю его жизнь ответственным со-бытийным поступком. В этом коренятся такие известные понятия, как «не-алиби в бытии», «хронотоп», «чужая речь», «жанр» и т.п., без которых трудно представить современную филологию и философию культуры. Для М.М. Бахтина осмысление и смыслообразование – процесс в «большом времени», вектор которого направлен к полноте осмысления, которую сам философ связывал с «абсолютным будущим». Эта христологически-достоевская установка

(«Буди! буди!») принципиально отличает межпредметный проект М.М. Бахтина как от его модернистской современности, так и от постмодернистских «деконструкций». Это ставит М.М. Бахтина в ряд крупнейших мыслителей прошлого столетия, таких как К. Ясперс, Ф. Розенцвейг, М. Бубер, М. Хайдеггер, Р. Гвардини, О. Розеншток-Хюсси, которые в 1914-1923 гг. совершили – в результате осмысления катастрофы Первой мировой войны – ключевой для философии XX в., восходящей к Ф. Шеллингу и С. Кьеркегору, переход в «первой философии» от мира науки к миру жизни. Уникальность Бахтина еще и в том, что в советских условиях его программный философский замысел (сам себя ученый неоднократно идентифицировал как философа) мог быть осуществлен только за рамками собственно философии. Поэтому он был реализован фрагментарно, трансформировался, хотя и вынужденно, но продуктивно, на материале литературоведения, языкознания и теории культуры, что указывает на немалый потенциал меж-, если не постдисциплинарности этой программы, едва ли возможный на Западе даже в наше время. Уже в период «бахтинского бума» 1960-х гг. в вопросе «Откуда взялся Бахтин?» ощущался разрыв между реальным содержанием наследия и его пониманием. Для филологов Бахтин подчас оказывается «слишком философом», для философов – «слишком литературоведом и филологом», для западных гуманитариев – «слишком русским». Преодоление такого разрыва в нашем столетии требует «нового начала» в понимании Бахтина. Эта посылка стала лейтмотивом всей конференции.

Уже первые непосредственные свидетельства конца 1910-х – начала 1920-х гг., как было показано *Н.И. Николаевым* (Санкт-Петербург), говорят о Бахтине как о сложившемся философе, о внутреннем единстве его взглядов, истоки которых прослеживаются в виленском кружке гимназистов, интенсивном общении братьев Бахтиных, их участии в семинарах, посвященных идее Третьего (славянского) Возрождения, во влиянии Вяч. Иванова и Ф.Ф. Зелинского, в работе религиозно-философского общества, лекциях психолога Н.Н. Ланге, активном чтении работ Ф. Ницше, М. Шелера, Г. Когена и т.д. И в дальнейшем главная философская линия присутствует во всех работах М.М. Бахтина «непрямым словом», без учета которого эти тексты недоступны для адекватного понимания.

Бахтинская идея «внутреннего ответственного участия», по мнению *Лу Сяохэ* (Шицзячжуан, КНР), являлась критическим ответом на объективистский антипсихологизм философии того времени. Она была направлена на преодоление разрыва между «смысловым содержанием» и действием: эмоционально-волевой тон субъекта становился неотъемлемой частью «культурного единства», что отличает Бахтина от других исследователей проблемы смысла. Бахтин обнаруживает в проявлении смысла принципиальную разницу самопереживания и переживания субъектом другого. Если второе есть единство пространственно-временное, то первое – единство духовного опыта трансцендентности, погружающего индивида в ценностно определенное будущее. Активное выстраивание смысла предполагает вхождение соавтором в дрящущее столетиями и тысячелетиями диалогическое взаимопонимание народов, наций и культур. Такой диалог требует высшего нададресата, к пониманию которого апеллируют участники (Бог, абсолютная истина, совесть, народ, суд истории, научная истина и т.п.), что близко идее «сверхсмысла» (В. Франкл), придающего смысл индивидуальному конечному бытию. Для Бахтина диалог не просто языковой феномен, а порождающая смысл сопричастность конечного бесконечному, смертного – бессмертному.

Это соотношения индивида и смысловой целостности раскрывается, как было показано *С.В. Сандлером* (Беэр-Шева, Израиль) в понятии «смена», которое применяется Бахтиным с середины 1930-х гг. к динамике эпох, языков, поколений, речевых субъектов в диалоге как к процессам живого обновления. В любом осмысленном высказывании скрыты ответы на вопросы, чужие реплики. Эта смена речевых субъектов суть проницаемая для автора временная граница между индивидуальными кругозорами, средство построения большего целого, форма самоотрицания во имя органического целого множества точек зрения. Игнорирующий смену монологизм не позволяет правильно понять смысл, который не сводится к одному абстрактно-объективному значению –

части, выдающей себя за целое. В поздних работах Бахтина диалог все четче ассоциируется с «последним целым». Как любой диалог не поместим в кругозор одного сознания, так и нет «смысла в себе» – он существует лишь как звено в смысловой цепи, которая только и может быть реальной в ее целостности. Каждое звено этой исторически растущей цепи снова и снова обновляется, как бы рождаясь заново, и когда-то забытые смыслы способны ожить в новом контексте. Осмысляющий диалог предстает устремленным в будущее блокчейном, обновляющимся с каждой новой итерацией в Большом времени, где «у каждого смысла будет свой праздник возрождения», а целое полноты осмысления остается заданным, но не данным.

В развернувшейся дискуссии была прослежена аналогия бахтинского понимания диалога с трактовками диалога М. Бубером, Э. Левинасом, а главное – рассмотрена связь идеи Бахтина с апофатичностью восточного христианства и неоплатонизма, в которых Божественная сущность непосредственно не дана, но выявляется в ее заданности. Согласно *К. Хирикону* (Ватерлоо, Канада), такое «чувство будущего», «исторического становления» мира определяет оценочное отношение к настоящему (хронотопу) с позиций обязательности, долженствования перед будущим, которое тем самым меняет настоящее. В этом плане М.М. Бахтин предстает очень систематичным и последовательным мыслителем.

Сопричастность в выстраивании смысловой ткани бытия делает жизненный путь ответственным поступком в со-бытии с другими. Такая форма самообъективации личности, по мнению *С.А. Смирнова* (Новосибирск), была реализована Бахтиным в исследованиях, где он ведет диалог с Гёте, Рабле и Достоевским.

В сообщениях *Т.С. Барбато* (Бразилиа, Бразилия), *Т.И. Ерохиной* (Ярославль), *Н.В. Жадуновой* (Саранск), *А. Вайман* (Сарасота, США), *Е.Н. Песоцкой* и *В.И. Инчиной* (Саранск), *М.Э. Рябовой* (Москва), *Н.А. Червякова* (Москва) и других зарубежных и отечественных стеновых докладах философия поступка Бахтина предстала подходом, позволяющим с единой точки зрения рассмотреть многие проблемы философии культуры и личности, этики, ответственности в творчестве и его осмыслении.

На конференции вскрылись важные источники ряда концепций М.М. Бахтина. *А. Тадзима* (Токио, Япония) проследил связь бахтинской идеи диалогической полифонии с учением Николая Кузанского, согласно которому наличие уникальных видений мира не дает полноты знания замысла Бога. Э. Кассирер, работы которого внимательно читал Бахтин, полагал, что эта мысль об ограниченности любого частного знания ведет к признанию человеческого равенства и согласия. И в 1920-е гг. Бахтин называл неизбежное разнообразие точек зрения «избытком видения», реализуемым в диалоге. В дальнейшем он использует термин «полифония» для обозначения «диалогического со-гласия» («романного резонанса», когда любой персонаж (включая автора) исследует, дополняет свои и чужие идеи). Как показало обсуждение доклада, бахтинские идеи выводят из тупиков абстрактного мультикультурализма и толерантности к ответственной сопричастности смысловой полифонии. А в вызвавшем оживленную дискуссию сообщении *С. Мас Диаса* (Барселона, Испания) настоящее и будущее идей Бахтина было связано с раскрытием в них роли любви.

*Т. Домингес* (Сан-Паулу, Бразилия) подчеркнула, что в «бахтинском круге» большое внимание уделялось идее В. Гумбольдта о реализации памяти, мышления, суждения в лингвистическом материале. Но если для Гумбольдта сознание является априорно данным, то, например, для В.Н. Волошинова сознание производно от интериоризируемого во внутренней речи «идеологического знака». Оно возникает и поддерживается семиотической цепочкой, тянущейся от одного сознания к другому. Вводимые в научный оборот тексты и архивные документы позволяют глубже проникнуть в творческую лабораторию «бахтинского круга». Обсуждение доклада *Д.А. Медведевой* (Санкт-Петербург), посвященного изданию собрания сочинений П.Н. Медведева, завершилось признанием необходимости подвести черту под затянувшимся спором вокруг авторства публикаций друзей и коллег М.М. Бахтина. Тесное сотрудничество и взаимное влияние внутри «мыслительного коллектива» не дают основания отказывать в авторстве его участникам, порождая путаницу в работе с источниками.

Непростой путь идей Бахтина, проблемы с доступностью научных архивов усложняют процесс восприятия и интерпретации идей мыслителя как целостной философско-эстетической системы, что приводило и приводит к спорным интерпретациям, а в последнее время – даже попыткам дискредитации Бахтина в России и за рубежом. Известный бахтиновед *К. Эмерсон* (Принстон, США), много сделавшая для продвижения наследия философа за рубежом, привела примеры такой странной моды на «ниспровержение Бахтина», за которой стоит не только непонимание его концепций, но и реакция на их пафосные интерпретации. Действительно, в 1960-х гг., после публикации и перевода книги о Рабле, ее активного цитирования французскими семиотиками, Бахтин предстал в структуралистской парадигме, что с очевидностью парадоксально для любого, кто знаком с тем, сколько сил мыслителем и его коллегами было отдано борьбе с формальным методом. При этом пострадавший от сталинского режима М.М. Бахтин воспринимался диссидентом, «культурным героем», Прометеем и Вяйнемейненом, дающим ключи к новому миропониманию. А большой успех способен вызвать ресентимент или также попытки завоевать популярность бездоказательными домыслами и «разоблачениями» признанного авторитета.

На протяжении многих лет бахтиноведение было занято созданием и развенчиванием мифов вокруг фигуры Бахтина. Но постепенно место мифов занимают свидетельства, факты. Так, *О.Е. Осовским* (Саранск) было убедительно опровергнуто представление о «Бахтине-изгое», о его «забытости» в советское время в профессиональной литературоведческой среде. Вновь обнаруженные документы показывают заметное место Бахтина в официальной литературной жизни Ленинграда 1920-х – начала 1930-х гг., в научном и образовательном пространстве Саранска и Москвы середины 1930-х – начала 1970-х гг., признание реального значения его идей ведущими советскими гуманитариями среднего и младшего поколений.

Все более насущной становится необходимость полноценной научной биографии Бахтина: молодые исследователи в России и за рубежом с трудом представляют реалии научной, культурной и педагогической жизни в те годы. Большую работу в этом направлении ведет Центр М.М. Бахтина МГУ им. Н.П. Огарёва. Например, о проекте «Бахтинская энциклопедия» рассказала *С.А. Дубровская*. Задача энциклопедии – реконструкция исторического, культурного и научного пространства «мира Бахтина», создание гипертекста, путеводителя, помогающего проникнуть в историю жизни и идей мыслителя, лучше понять диалог, который он ведет в «большом времени» как с предшественниками и своими современниками, так и с нами. По материалам Центра *Г. Тихоновым* (Лондон, Великобритания) и саранскими бахтиноведами *Н.И. Ворониной, И.В. Ключевой, Л.М. Лисуновой, Н.Н. Земковой, О.Л. Арискиной, В.Н. Лаптуном* были представлены новые факты и обстоятельства жизненного пути Бахтина, его научной и преподавательской работы, отношений со студентами. Тем самым раскрывается широкая панорама эпохи, взаимосвязь людских судеб, что способствует пониманию не только творчества Бахтина, но и российской культуры и истории.

Конференция не ограничивалась анализом содержания и истории формирования идей М.М. Бахтина. Большой интерес был проявлен к их развитию и применению. Как было показано *Г.Л. Тульчинским* (Санкт-Петербург), бахтинские идеи философии поступка подтверждаются современными исследованиями антропогенеза и нейрофизиологии. Поступок как вменяемое действие, характеризующее мотивацией и ответственностью, становится таковым в результате нарративной интерпретации, реализуемой другими и самим индивидом. Именно в наррации поступок и возникает. В сопровождающей социализацию индивида нарративной коммуникации родители, учителя и прочие «другие» возлагают ответственность за происходящее в жизни на индивида, делая его *causa sui*, героем событийного ряда. А с освоением наррации о пережитом опыте от первого лица в нейронных сетях коры головного мозга формируются память, самосознание, субъективная самость личности (*autobiographically self*), делая доступным опыт трансцендентного. В этом плане свобода оказывается, как и учил Бахтин, вторичной по отношению к ответственности, а разум – мерой осознания

последней. Освоение практики нарративной коммуникации – суть «когнитивной революции», давшей homo sapiens преимущество перед другими видами за счет построения общей смысловой картины мира, что позволило консолидировать не десятки, а сотни, тысячи, миллионы индивидов посредством мифологии, религии, идеологии, экономики, морали, политики. Так философия поступка фокусирует ключевые проблемы философии и оказывается платформой интеграции и конвергенции различных дисциплин.

*В.И. Тюна* (Москва) подчеркнул нетривиальное значение «по-бахтински» понятой смыслообразующей наррации, которая структурирует («нарезает») жизненный континуум. Хотя сам Бахтин не пользовался понятием «наррация», его живо интересовала проблематика повествования, а некоторые термины современной нарратологии и металингвистики возникли как переводы бахтинских неологизмов. П. Рикёр, обратившийся в 1980-е гг. к философскому осмыслению нарративности, писал, что следовал «урокам Бахтина», которым были ясно сформулированы неотожждественность автора и рассказчика, природа нарративного дискурса как сопряжения события, о котором рассказано, с событием самого рассказывания. Как истина присуща только бытию познанному и изреченному, так и событийность интенциональна: она есть особое, нарративно выраженное отношение сознания к бытию, как со-бытие, с учетом взаимодействия интенций акторов, меняющего смысл бытия. Бахтинская интеграция обстоятельств творчества и диалогического смыслового пространства произведения, полагает *Т.С. Злотникова* (Ярославль), выводит эстетику в пространство междисциплинарности.

Специальное внимание было уделено кросс-дисциплинарной перспективе бахтинского концепта хронотопа. Сам этот термин был введен А.А. Ухтомским для сопряжения нейрофизиологии мозга и гуманитарных наук в объяснении формирования доминанты ориентации на Другого и предвидения его действий. Как было показано А.А. Сычевым (Саранск), М.М. Бахтин, бывший в 1925 г. на лекции Ухтомского о хронотопе в биологии, к середине 1930-х гг. разработал собственную концепцию хронотопа, обратив внимание на его нравственное измерение как пространственно-временной характеристики конкретности единственного неповторимого бытия. В литературных практиках Бахтин выделяет хронотопические образы (встречи, дороги, помещения и т.д.), которые определяют содержание, сюжет и образы, а главное – возможности поступков, свободу морального выбора и его реализации. В рамках этого подхода докладчиком была предложена систематизация моральных хронотопов – от индивидуального до общечеловеческого, что важно для оценки и решения различных проблем, возникающих перед современным социумом. А согласно *Чен Тао* (Пекин, КНР), бахтинская феноменология хронотопа помогает человеку лучше понять самого себя. Как подчеркнула *Е.Я. Бурлина* (Самара), трактовка хронотопа М.М. Бахтина является методологически важным открытием: «маленькая клеточка» жанра оказывается изоморфна культуре в целом, позволяя строить модели этой культуры. Такой подход применим в ряде наук, например, в цитологии. Он стал очень востребован в мировой урбанистике, породив «хронотопию» – инструмент диагностики города как сцены связи прошлого-настоящего-будущего, воспроизводимой в сознании и поведении жителей. Как средство исследования молодежных уличных арт-практик применила хронотоп *Ю.А. Кузовенкова* (Самара). А *Ю.А. Кондратенко* (Саранск) использовала его для интерпретации динамики смысловых структур балетных спектаклей: классицистское единство времени и места действия сменяется в романтизме сценами в реальном мире и мире фантазии с остановкой времени действия, а в балете-феерии каждый отрезок повествования имеет свой тип хронотопа.

Современная гуманитаристика остро нуждается в обретении полифонии научного мышления, преодолении противопоставления подходов. Так, *Ю. Сяофэн* (Шэньчжэнь, КНР) был представлен семиотический потенциал наследия Бахтина. И, несомненно, заслуживает внимания предложенная *В.И. Новиковым* (Москва) перспектива сопряжения бахтинской эстетики и идей русского формализма. При всех различиях и взаимной критике позиций их сближало решительное противопоставление материала искусства и собственно эстетического фактора. В ОПОЯЗ материалу противостояли «прием», «конструкция», «стиль», у Бахтина – «эстетический объект». Созвучны также: опоязовский акцент

на то, «как сделано» произведение и бахтинский принцип «войти творцом в видимое, слышимое, произносимое»; идея «гамбургского счета» и идея «ответственности»; идеи «отталкивания» и категории диалога. В этом плане и Бахтин, и опоязовцы противопоставляются постструктуралистским релятивистским теоретическим моделям без ответственной аксиологии. Синтез бахтинского диалогизма и остранения Шкловского через реляционную эстетику был рассмотрен также в докладе *М. Гисбергена* (Амстердам, Нидерланды). Показательно, что сопряжение двух научных парадигм делается еще более обоснованным в свете выявившихся обстоятельств личностного сближения М.М. Бахтина и В.Б. Шкловского в 1970-х гг.

К. Эмерсон привела пример двух инновационных подходов, заметно расширяющих горизонт реализации бахтинской философской программы. Это аналитика телесности и телесных практик в культуре Д. Мак-Ко и предложенное М. Эпштейном «алмазное правило» этики – «делай то, в чем нуждаются другие и чего на твоём месте не мог бы сделать никто другой», согласно которому нравственный критерий поведения составляют индивидуальность деятеля и уникальность его деяния, отзывающегося на наибольшую потребность других.

Ряд докладов был посвящен возможностям осмысления практик в современных культурных индустриях, использования концепций полифонии, диалога и хронотопа в современных социальных науках и социально-политических практиках. Так, *Н.И. Изергина* (Саранск) показала роль бахтинской философии диалога в формировании российской идентичности. *К.С. Брэндишт* (Шеффилд, Великобритания) обратил внимание на возможность применения ряда идей М.М. Бахтина и ученых его круга, а также ранних советских востоковедческих исследований для решения современных социально-культурных проблем деколонизации. Так, деколонизация образовательных программ не может сводиться к замене европейского «белого канона» тематикой неевропейского культурного опыта. Речь должна идти не об упрощенной альтернативности противопоставляемых культур, а об их критическом взаимодействии. *Р. Альвардо* (Мехико, Мексика) рассказал о том, как проходит длящийся уже несколько лет уникальный проект – создание видеозаписей рассказов ученых различных стран об использовании ими в работе концепции диалогического мышления Бахтина.

Не могла остаться без внимания и тема смеха и карнавала. *Е.А. Семенова* (Москва), опираясь на трактовку Бахтиным речевых практик карнавала, исследовала дружелюбную хвалу-брань в современном уличном театре, роке, рэп-баттлах. *Б.М. Михарес-мл.* (Бохол, Филиппины) применил бахтинскую теорию динамики диалогизма и карнавального смеха к интерпретации филиппинской смысловой картины мира.

Немало докладов было посвящено роли бахтинских идей в литературоведении и филологии, современном искусствознании. Проблемы перевода текстов Бахтина на иностранные языки, особенности рецепции его идей в контекстах других культур были продемонстрированы бразильскими, китайскими, норвежскими, новозеландскими исследователями. Все больший интерес вызывает возможность применения идей М.М. Бахтина в педагогике. Этой тематике было посвящено 39 докладов.

В целом можно говорить о преодолении последствий «обратной» (хронологии написания работ) рецепции творчества Бахтина. В главных своих интенциях и интуициях он стал понятен – как мыслитель-персоналист, в силу ряда обстоятельств вынужденный заниматься филологией и историей литературы. Основой его «философской программы» были философия поступка и метафизика нравственности. Бахтинский дискурс, как и дискурс Достоевского, анализу творчества которого Бахтин уделил столько внимания, есть дискурс поиска оснований для конструирования самосознания личности. В текстах об авторе и герое, о диалогизме Достоевского мыслитель, по сути дела, разворачивает феноменологию формирования сознания и самосознания в культурном контексте, в книге о Рабле – динамику этого контекста, а Достоевский и Рабле у Бахтина – фигуры, аналогичные Сократу у Платона, Заратустре у Ф. Ницше.

На смену мифам и моде на Бахтина 1960-1070-х гг. приходит все более глубокое осознание масштаба идей русского мыслителя, ставших ключевыми для гуманитарного

знания. Работы Бахтина предстают инструментом для осмысления современных процессов, вызовов, которые испытывают культура, гуманитарное знание, цивилизация и внутренний мир человека. В этом играет свою роль и удачная, нетривиальная бахтинская терминология: творящее, поступающее сознание, участное мышление, не-алиби-в-бытии, осмысляющий диалог, хронотоп, карнавализация.

Конференция показала, что, в принципе, сохраняются две тенденции в современной бахтинологии. Первая связана с экспансией бахтинских идей на все более широкую сферу гуманитарного (и не только) знания, а также с расширением круга практического применения этих идей в прикладных науках и социально-культурных технологиях. С одной стороны, это ведет к превращению бахтинских концептов в бессодержательные расхожие метафоры вроде «диалога культур». С другой стороны, эта тенденция позволяет расширить сферу плодотворного применения идей Бахтина, способствует росту их известности и узнаваемости «бахтинской парадигмы», обладающей настолько высокой степенью общности, что впору говорить (и это прозвучало на конференции) о возможности «бахтинить» (to bakhtin) современность в целом.

Вторая тенденция связана с пониманием значения персонологического ядра бахтинской философии. Этот вектор проявляется в двух версиях. Во-первых, в интересе к фактам и деталям биографии Бахтина и его окружения, текстологическом анализе, выявлении источников идей, контекста их возникновения, переклички с другими концепциями. А во-вторых, хоть это и кажется парадоксальным, такая ориентация выводит к нащупыванию и выявлению магистральных трендов методологии гуманитарного знания, более полному представлению о путях развития как отечественной, так и мировой философии, о перспективах междисциплинарности.

Возможность «бахтинить» современность оказывается с окном доступа зарубежных гуманитариев и философов к российской философской, гуманитарной и общественной мысли, отнюдь не прозябавшей последнее столетие под панцирем идеологического догматизма. И интерес к ее потенциалу в мире нарастает. Однако еще ждет своих исследователей отношение Бахтина и его круга к имяславию, восходящему к неоплатонизму и паламизму и оказавшему влияние не только на философию предреволюционной России (С.И. Булгаков, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев) и поэзию (Б.Л. Пастернак, О.Э. Мандельштам), но и математику (Д.Ф. Егоров, Н.Н. Лузин). Показательно и то, что на конференции даже не упоминались имена Э.В. Ильенкова, В.С. Библера, А.С. Арсеньева и других отечественных философов, разрабатывавших комплекс бахтинских идей и создавших целые традиции, школы. Их работы остаются вне поля зрения зарубежных бахтиноведов.

Бахтин предстает выразителем мегатрендов философии Новейшего времени. В последние два столетия традиционный интерес философии к сущему сменяется на внимание к способам познания этого сущего, к условиям реализации этих способов (прежде всего, языка, культуры). На наших глазах появляется интерес к личности как источнику, средству и итогу этого процесса. Этот сдвиг гуманитарной парадигмы открывает перспективы нового синтеза теории познания, этики и эстетики, а возможно и науки, искусства и духовного опыта. В этой связи Бахтин оказывается удивительно актуальным мыслителем, не только предугадавшим эти тенденции, но и давшим аппарат работы с ними. Проверку большим временем М.М. Бахтин выдержал сполна.

*Г.Л. Тульчинский*

*Тульчинский Григорий Львович* – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, 190121, ул. Союза Печатников, д. 16.

Доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.  
gtulchinskij@hse.ru

*Tulchinskii Grigorii L.* – National Research University Higher School of Economics – St. Petersburg, 16, Soyuz Pechatnikov str., St. Petersburg, 190121, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor, Honored Scientist of Russia.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-3-216-222